

— Посмотри, это же бескрайнее море! Жаль только, мы идём так долго, а вокруг ни души... В этом огромном мире остались только мы вдвоем?

Он улыбался во сне, крепко сжимал мою руку и указывал на уходящий за горизонт океан.

Мне снова приснился он. Снова утонула в себя чувственная, зыбкая иллюзия Атлантиды...

Порой я ловлю себя на мысли: вдруг эта бесконечная жизнь в призрачном мире, похожая на вечный круговорот перерождений, куда реальнее тридцати лет быстротечного земного существования?

В этом сонном мареве я видел себя со стороны — стоящим рядом с ним рука об руку. На его до боли знакомом лице играла непривычная улыбка, яркая и тёплая, словно лучи полуденного солнца.

Его тёмные глаза преданно следили за мной, а взгляд, мягкий и глубокий, обволакивал подобно тихой воде, заставляя сердце сладко замирать.

Мы растворялись в объятиях, сливаясь в долгом, чувственном поцелуе. На ухо сплетался нежный шёпот, и душа лёгким пёрышком парила в лучах весеннего солнца. Мерно шумели волны, а небосвод сиял чистой лазурью драгоценного сапфира.

— Нет, мне совсем не одиноко, ведь у меня есть ты...

Прервав поцелуй, он заглянул мне в глаза. Так близко, что в глубине его тёмных зрачков я видел собственное отражение — я улыбался, искренне и тепло, будто весенний ветер.

— А ты?

— А я... я предпочёл бы провести остаток жизни в полузабытьи, застряв между сном и явью. Лишь бы никогда не терять тебя.

Я крепче прижал его к себе. Обжигающее тепло чужого тела пробудило неистовое желание снова утонуть в его губах. Но сердце испуганно дрогнуло. Сколько бы сотен раз мне ни снился этот сон, я знал, что случится в следующее мгновение. И каждый раз первобытный страх сковывал тело, пуская ледяную дрожь по спине.

Я снова открыл глаза и натолкнулся на безучастный, холодный взор золотых глаз.

Этот человек стоял совсем близко. В его фигуре и чертах лица воплотилось всё совершенство этого мира, словно искусный творец создал идеальный образ из моих сокровенных мыслей. Ниспадающие на плечи серебряные волосы переливались мягким сиянием, похожим на

жидкий лунный свет. Он оставался бесстрастным, но глубина его золотых глаз излучала такое величие и снисхождение к роду людскому, что это подавляло всякую волю.

Не оставив времени на раздумья, незнакомец стремительно, быстрее мысли, прошёл сквозь меня. Мощный толчок потряс само моё существо, будто душу силой выставили вон из телесной оболочки.

Морис резко распахнул глаза. Сердце бешено колотилось, лоб покрыла холодная испарина. Он рывком сел на постели, тяжело дыша.

"Кто он такой? Почему я постоянно вижу его во сне?"

"Этот странный кошмар преследует меня уже не в первый раз. Словно неведомая сила раз за разом затягивает в одну и ту же петлю, из которой невозможно вырваться. Что удерживает меня в плену этого видения?"

Прижав ладонь к гудящему лбу, Морис попытался успокоить взбудораженные мысли. Тот миг, когда золотой взор пронзил его насквозь... Почудилось ли ему, или в этих безразличных глазах действительно промелькнуло нечто похожее на удивление? Впрочем, всё произошло слишком быстро, чтобы разглядеть детали.

— Опять кошмар? — раздался сонный голос Хань Цзина.

Проснувшись от резкого движения партнёра, генерал-майор мягко обнял застывшего в молчании Мориса. Почувствовав, как взмокла шёлковая пижама от холодного пота, Хань Цзин прижал его к себе, нежно целуя длинные золотистые волосы, спускаясь от шеи к тёплой мочке уха, стремясь успокоить и согреть.

Морис никак не мог прийти в себя. Лишь спустя минуту он ощутил, как по телу разливается тепло от бережных, надёжных объятий.

— Всё в порядке, — негромко выдохнул он, пытаясь высвободиться, но заметил, что Хань Цзин вдруг замер, о чём-то задумавшись.

— Что с тобой? — Морис прищурился, переводя на него холодный взгляд, и тут же заметил на плече Хань Цзина яркую ссадину.

След их ночной страсти... Память услужливо подкинула воспоминания о том, как он сам в порыве изнеможения впился ногтями в эту кожу. Воспоминание о вчерашнем безумии заставило бледные щёки Мориса вспыхнуть румянцем. Смутившись, он поспешно отвернулся.

Хань Цзин не спешил разжимать руки. Его ладонь покоилась на животе Мориса, и пальцы уловили едва заметное изменение. Низ живота стал более плотным, округлившимся... В

последнее время Морис сильно похудел, так откуда взялась эта странная упругость?

Оба замолчали, погружённые в свои думы. Внезапно тело Мориса напряглось. Он судорожно вздохнул, лицо его мгновенно утратило все крапинки цвета, а к горлу подкатил знакомый, удушливый приступ тошноты.

— Кхм... — Морис до крови закусил губу, сдерживая рвотный позыв. На лбу выступила мелкая испарина. Служа силам воли, он глухо произнёс: — Мне нужно в ванную.

— Иди... — Хань Цзин нехотя разомкнул объятия.

Он не стал расспрашивать Мориса, уважая его суровое упрямство. Морис был слишком горд, чтобы показать слабость даже перед самым близким человеком. Но когда из-за закрытой двери ванной донеслись приглушённые, мучительные спазмы, сердце Хань Цзина сжалось от тревоги. Он поднялся с постели, не находя себе места.

К тому времени как Хань Цзин оделся, Морис наконец вышел. На его безупречном лице снова застыла привычная маска безразличия, и лишь слегка покрасневшие глаза выдавали недавнюю слабость.

— Уже близится полдень. Я забронировал столик, так что давай сначала пообедаем, — мягко предложил Хань Цзин, делая вид, что ничего не произошло. Однако при виде осунувшегося лица Мориса его душу вновь полоснула острая жалость.

Морис лишь сдержанно кивнул. Внутри всё ещё kloкотало, во рту остался неприятный горький привкус, а мысль о еде вызывала отвращение. Выйдя во внутренний дворик, наполненный тонким ароматом цветущей сливы, он глубоко вдохнул прохладный воздух, пытаясь унять дурноту.

Хань Цзин тихо вздохнул, глядя на него из окна. Порой эта непрошибаемая гордость Мориса приносила лишь обоюдные мучения.

Горный павильон Юньцин

Ресторанный комплекс примостился у самого берега живописного искусственного озера, окружённого изящными мостиками с резными перилами. Сквозь распахнутые рамы окон из красного дерева открывался умиротворяющий вид на аккуратные беседки и пагоды с черепичными крышами, утопающие в изумрудной зелени горных лесов.

Морис неторопливо перелистывал страницы меню. Изучив его дважды, он остановил выбор на паре лёгких овощных блюд и передал карту Хань Цзину.

— Я плохо разбираюсь в тонкостях восточной кухни. Выбери на свой вкус, только, пожалуйста, без морепродуктов.

— Как насчёт молочного поросёнка с хрустящей корочкой?

— Нет, — от одного упоминания жирного мяса к горлу Мориса вновь подступил противный ком тошноты, и он отрезал это предложение холодным отказом.

— Тогда нежные бараньи ребрышки в панировке?

—... Хорошо, — подумав, согласился он.

— Утка в остром соусе?

— Исключено.

— Запечённый фазан?

— Он жирный?

— Думаю, да, — честно ответил Хань Цзин, глядя на лоснящуюся картинку в меню.

— Тогда не нужно.

Хань Цзин в растерянности потёр переносицу. Почти все его предложения были отвергнуты. Те немногие позиции, что они утвердили, относились к лёгкой кантонской кухне, но из них тоже пришлось вычеркнуть всё, где присутствовала рыба. Озадаченно оглядывая зал ресторана, Хань Цзин случайно зацепился взглядом за столик неподалёку. Там сидела беременная женщина в сопровождении заботливого супруга. Она точно так же капризно кривилась при виде тяжёлых мясных блюд, прося мужа заказать что-нибудь лёгкое, кисло-сладкое или совсем простое.

Сердце Хань Цзина пропустило удар. Он ошеломлённо уставился на Мориса, сопоставляя его странное поведение в последние недели. В голове вспыхнула безумная, невероятная догадка.

— Хань Цзин? — заметив этот пристальный, застывший взгляд, Морис почувствовал неловкость. Он нахмурился и позвал партнёра строгим, требовательным тоном.

"Нет, этого просто не может быть... Бред какой-то.

Морис слишком горд. Он с трудом терпел собственное подчинённое положение в постели, так

с чего бы ему соглашаться на сложнейшую генетическую операцию ради вынашивания ребёнка?"

"Совсем голова не соображает..."

Взяв себя в руки, Хань Цзин подозвал официанта и заказал ещё пару лёгких блюд с выраженным кисло-сладким вкусом.

— Кажется, я ясно дал понять, что не люблю кисло-сладкие соусы и совершенно не ем рыбу, — Морис недовольно скрестил пальцы в замке, уперев локти в стол. Это было верным признаком его раздражения, хотя сам он едва ли осознавал, насколько капризным и требовательным стал в последнее время.

— Знаю. Но эти блюда я заказал для себя. Разве ты против, Морис? — Хань Цзин мягко улыбнулся, его голос прозвучал удивительно тепло.

Эта мягкая, обезоруживающая улыбка, напоминающая весеннее солнце, была точь-в-точь как в его сегодняшнем сне... Сердце Мориса предательски затрепетало. Пытаясь скрыть нахлынувшее волнение, он отвернулся и уставился в окно на зеркальную гладь озера.

За несколько месяцев совместной жизни Хань Цзин успел хорошо изучить характер своего генерала. Тот отличался исключительной рациональностью и привык прятать любые душевные порывы за маской ледяного равнодушия. Морис никогда не делился своими переживаниями вслух — его истинные чувства выдавали лишь едва заметные жесты и взгляды.

И сейчас он вовсе не злился.

Хань Цзин продолжал мягко улыбаться, не сводя глаз со своего возлюбленного. На душе у него было светло и спокойно.

Почувствовав на себе этот долгий, обжигающий взгляд, от которого по коже побежали волны необъяснимого тепла, Морис наконец не выдержал. Он резко повернулся и одарил Хань Цзина самым суровым, леденящим взглядом, на какой только был способен.

В этот момент официант принёс заказ. По залу растёкся дразнящий, густой кисло-сладкий аромат.

Морис сглотнул набежавшую слюну и тут же укорил себя за секундную слабость. Ситуация казалась нелепой: он только что категорически открестился от подобной еды, но теперь его взгляд, словно приклеенный, намертво прикипел к блюду. На тарелке красовалась искусно приготовленная речная рыба в багровом соусе, изогнутая в причудливой форме беличьего хвоста.

Впервые за долгое время к нему вернулся настоящий аппетит. Однако гордость не позволяла пойти на попятную, и он упрямо не прикасался к разложенным на подставке палочкам.

Заметив эту внутреннюю борьбу, Хань Цзин едва сдержал улыбку. Он потянулся к общему блюду, аккуратно подцепил нежный кусочек рыбы с брюшка и положил его в пиалу Мориса.

— Это знаменитая рыба-белка, традиционное восточное блюдо. Её готовят из пресноводного окуня, так что привычного тебе морского запаха здесь нет. Попробуй, в ней почти нет костей.

"Всё-таки рыба, да ещё и обжаренная в масле..."

Морис в замешательстве разглядывал золотистый ломтик, аппетитно свернувшийся от сильного жара. Он и сам не понимал, что с ним происходит в последнее время. Неужели это столь тяжёлые побочные эффекты от приёма препарата Содиум? Раньше он никогда не страдал от отвращения к жирной пище, а теперь любая капля масла вызывала у него жесточайшие спазмы. И всё же этот пряный, кисло-сладкий аромат манил с невероятной силой.

Видя его нерешительность, Хань Цзин на всякий случай положил в его вторую чистую тарелку порцию нежного филе курицы «Снежинка» — лёгкого и совершенно нежирного блюда.

— Почему не ешь? — с улыбкой спросил Хань Цзин. — Неудобно пользоваться палочками? Давай я попрошу принести приборы...

— Не нужно, — негромко перебил его Морис.

Глядя на две наполненные заботливой рукой пиалы, он почувствовал, как в груди разливается приятное тепло. Морис уверенно взял бамбуковые палочки. Его движения были настолько точными и грациозными, что Хань Цзин невольно залюбовался.

— Ты умеешь ими пользоваться? — Хань Цзин искренне удивился. Он впервые видел, чтобы иностранец управлялся с палочками так естественно.

— Нас этому обучали, — ровным тоном ответил Морис.

Он отправил кусочек рыбы в рот. Хрустящая корочка, нежная мякоть и яркий кисло-сладкий соус слились в гармоничный, неожиданно приятный вкус.

— Надо же, целая дисциплина для столовых приборов?

— Да... Это одно из базовых требований к воспитанию в семье Норман, — Морис ненадолго умолк, делаясь этой крупницей своего прошлого.

Хань Цзин удивлённо приподнял брови, но расспрашивать дальше не стал, деликатно обходя тему семьи Норман, которая всегда была для Мориса болезненной. Вместо этого он перевёл разговор на их планы на вторую половину дня. Хань Цзин говорил больше, стараясь выбирать темы, способные увлечь собеседника. Морис слушал внимательно и без капли скуки, изредка вставляя короткие, но меткие замечания.

Обед шёл своим чередом. К тому моменту, когда они наметили маршрут для прогулки, обе тарелки с кисло-сладкими блюдами оказались почти пустыми — Морис увлёкся и съел большую их часть.

В груди Хань Цзина вновь шевельнулось то странное, пугающее предчувствие. Сердце забилося чаще, заставив кончики пальцев мелко задрожать от волнения.

— Морис... — Хань Цзин помедлил, тщательно подбирая слова, прежде чем осторожно заговорить: — Я бы хотел кое-что обсудить с тобой...

— Да? — Морис вопросительно приподнял бровь, заметив его непривычную заминку.

— Ты ведь помнишь Гленна, партнёра моего старшего сокурсника Роджера?

— Конечно. Как я мог забыть его? — Морис хорошо помнил этого утончённого юношу с длинными золотистыми волосами.

— Он прошёл процедуру генетической модификации... — Хань Цзин намеренно произнёс это медленно, пристально следя за выражением лица генерала.

Морис остался абсолютно бесстрастен.

— Знаю. Он уже тогда был в положении. Пойти на подобную операцию и вынашивать дитя, уподобившись женщине... Что ж, Роджер, должно быть, обладает поистине исключительным обаянием, раз его партнёр решился на такое.

— Твоя правда, — Хань Цзин мягко усмехнулся.

Этот спокойный, слегка пренебрежительный ответ окончательно развеял все его фантастические подозрения. Морис был слишком горд и никогда бы не согласился на подобное унижение своей мужской природы. Всё встало на свои места, но где-то в глубине души Хань Цзина шевельнулась странная, почти нелепая тоска.

Справившись с чувствами, Хань Цзин продолжил:

— Если я правильно помню, Гленну рожать примерно через два месяца. Роджер очень хочет

быть рядом с ним в этот момент, но, насколько мне известно, ты до сих пор не подписал его рапорт об отпуске?

— Роджер — наш ведущий эксперт по древним языкам, — Морис отложил палочки и на мгновение задумался. — Понимаю, к чему ты клонишь. Здесь не лучшее место для обсуждения служебных вопросов, но я обещаю подумать над этим.

— Хорошо. Тогда скажи, когда ты собираешься пройти медицинское обследование? Тебе нужно показаться доктору Марко. — Раз уж дело было не в беременности, Хань Цзин не на шутку тревожился за здоровье возлюбленного.

— Послезавтра утром, в понедельник, — в голосе Мориса проскользнули прохладные нотки — он не любил, когда посторонние, пусть даже самые близкие, контролировали его дела. Однако он всё же добавил: — Все участники исследовательской миссии SG-I обязаны пройти осмотр. Тебя это тоже касается.

— Будет аппаратная диагностика?

— Да. Если выявят какие-то отклонения, медицинский отдел свяжется с тобой напрямую. — Морис замолчал, поймав на себе взволнованный взгляд тёмных глаз Хань Цзина, и уже мягче закончил: — Как только придут результаты, я лично поговорю с Марко. Не переживай, со мной всё в порядке.

— Вот и славно, не будем о грустном. Сегодня всё-таки День всех влюблённых. Ты действительно настроен подниматься на хребет Юрика? Может, лучше останемся внизу? Будем нежиться в термальных источниках и любоваться заснеженными вершинами.

Хань Цзин накрыл его ладонь своей, крепко и уверенно сжав длинные пальцы. Лицо Мориса тут же сделалось каменным, но внутри всё перевернулось от сладкого смятения. Он попытался придать голосу как можно больше строгости:

— Если ты хочешь бездельничать, то...

Воспоминания о вчерашнем безумии заставили жаркую волну пробежать по телу Мориса. Смутившись собственного волнения, он поспешно высвободил руку и умолк, так и не закончив фразу.

<http://bllate.org/book/19677/2006431>